

Автор: Есельсон С. (Россия); Автор: Проценко Н. (Россия)

1. Как-то в 1999 г. мне предложили провести экспертизу. Предлагалось оценить психическое состояние подростка, которого психиатр собиралась отправить на госпитализацию в психиатрическую больницу. Помнится, пришел мальчик, по виду лет двенадцати, и сразу же начал говорить какую-то ерунду под понимающее снисходительное покачивание головой детского психиатра. Все было прозрачно. При всем при том мальчик, надо сказать, сам страстно стремился попасть в психбольницу, и в его речах сквозило что-то неуловимо знакомое, и эта полуютчетливая узнаваемость удерживала от быстрого заключения. И вдруг вспомнилось (!) — то, что говорил мальчик, очень напоминало разыгрывание роли главного героя из фантастического романа братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света». Ему был назван роман. Он остановился, замолчал на некоторое время. А потом «сменил пластинку». На этот раз узнавание было быстрым — Стивен Кинг? «Испепеляющая взглядом». Мальчик хорошо засмеялся. И все признаки шизофрении испарились. Установилось крепкое уважительное взаимопонимание, и пошел разговор о его жизни, той жизни, в которой ему так хотелось быть героем и от которой он намеревался сбежать в психушку.

2. Наше время — время с широкими и все возрастающими возможностями встречи практически со всеми героями мировой культуры. В этом смысле жизнь человека современной цивилизации — жизнь на культурном перекрестке. Мировые кинопремьеры. Глобальный рынок всевозможной видеопродукции на все вкусы. Сеть все удешевляющихся пассажирских авиаперевозок, позволяющая развернуть туристические маршруты по всему миру. Наконец, Интернет, мобильные телефоны с выходом в Интернет, спутниковая телефонная связь, позволяющие выходить во всемирную сеть практически из любой точки земного шара.

3. Эти встречи, когда они становятся Встречами в хайдеггеровском смысле, вплетают героя произведения культуры в ткань жизни человека. И это вплетание может оказываться как целебным, терапевтическим для этой жизни, так и травматичным, опустошительным, губительным.

4. При экзистенциальном консультировании часто необходимым оказывается устройство терапевтических встреч нашего клиента с героями произведений мировой культуры, а также залечивание душевных травм от встреч травматичных. Чтобы такое становилось возможным, консультанту необходимо умение определять экзистенциальную тему клиента, подходящее произведение или отдельные его части, отдельные страницы. Клиент, в жизнь которого органично вплетаются книги Ремарка, Моэма, Экзепюри, Драйзера, Достоевского, фильмы Милоша Формана или Клода Лелюша, становится другим человеком. Его опыт после Встречи — это уже не только его опыт, но и опыт тех героев, жизнь которых пронизала его. Это — жизнь после Встречи. Встреча может успокоить человека, может и подтолкнуть его к развитию. Но, в любом случае, его бытие — это уже, странным образом, «бытие-пронизанное», «бытие-вместе-с персонажем культуры»

5. Возникновение того или иного типа героев, как правило, обозначало приход новой культурной эпохи, в которой эти герои были укоренены своим особым предназначением. Однако современный «культурный Вавилон» создает ситуации, в которой «старые герои» обитают рядом с «новыми», при этом выполняя одновременно и старые, и совершенно новые культурные назначения.

6. Организация целебных встреч требует от экзистенциального консультанта собственного опыта таких встреч, но не только; она требует также и умения ориентироваться в безбрежном мире героев мировой культуры, требует понимания возможностей и результативности тех или иных встреч, посредником в которых выступает консультант.

7. Каковы, на наш взгляд, могут быть такие ориентиры? Во-первых, временной горизонт со-бытия героя и читателя-зрителя. Во временном горизонте мы обнаруживаем:

- героев «абсолютного прошлого»;
- героев «нашего времени»;
- героев «мечты» («совершенные люди»);
- героев мгновения;
- героев вечности.

Эти герои обретают свое существование соответственно в одном из пяти магистральных повествовательных жанров: эпос, роман, утопия, лирическое стихотворение (песня), притча. Что дает консультанту ориентация во временном горизонте? К примеру, события жизни героев «абсолютного прошлого» устроены неподражательно, несоотносимо, неподсудно. Как было сказано у Лермонтова: «Богатыри, не мы». Стирание эпической дистанции, например, романизация «Рыцарей круглого стола», разнообразных кельтских, германских, скандинавских эпических сказаний, производимая некоторыми эзотерическими группами, осуществляющими своего рода театральные постановки — мистерии — и некоторыми современными писателями-фантастами, например, Роджером Желязны, зачастую создает такого рода трансформации в духовном измерении бытия, которые десоциализируют человека, затрудняют для него бытие-вместе, завышают ожидания от себя, создают предпосылки для тектонического жизненного надлома. Таким образом, понимание того, какого рода герои «жалят» сердца наших клиентов, позволяет увидеть и характер противоядия. Во всяком случае, воссоздание эпической дистанции может превратиться в терапевтическую задачу. Давно известны и хорошо описаны случаи романизации религиозных притч, когда понимание того, о чем говорится в притче, заменяется прямым подражанием герою притчи. Множество примеров этого можно найти, например, у того же Уильяма Джеймса (Джеймс, 1993). Как результат — надрыв в неподражательности притчевому герою, надрыв, выражающийся в самых разнообразных соматических и психических патологиях. Проведение экзистенциальных терапевтических групп, направленных на дероманизацию, обсуждение смыслов тех или иных эпизодов из Священного Писания, текстов Житий Святых, помогает консультанту в оказании помощи

таким клиентам.

8. Во-вторых, смысловой горизонт со-бытия героя и читателя-зрителя. В этом горизонте обретают свою жизнь представления о смысле и предназначении человека. В смысловом горизонте мы обнаруживаем:

- героев классики;
- героев модерна;
- героев постмодерна.

Герои классики внутренне целостны и непротиворечивы, они либо приходят на землю выполнить предназначенную им судьбу, либо прямо выражают собой реализацию определенной философии жизни, либо являются богами (в этом случае они сами и являются основанием своих поступков). Какие же они, — люди, для которых встреча с классикой становилась целительной? Клиенты, приходящие в смятение чувств, запутавшиеся с тем, чего они хотят, «потеряв себя», по своему собственному выражению. Клиенты, противоположности устремлений которых тяжело отражаются на их физическом и психическом состоянии. Встреча с классикой с ее определенностью целебно упрощает их жизнь. Скажем, встреча с Сантьяго, героем «Алхимика» Коэльо, или с Сидхархой, героем одноименной повести Гессе, позволяют клиентам оставлять болезнетворные сомнения в прошлом и отдаваться романтике узнавания своего предназначения и следования ему. В героях модерна целостность человека проблематизируется как онтологически (невозможность рефлексивно ухватить «я» в разнородном, противоречивом потоке переживаний), так и аксиологически («Лишь в человеке встретиться могло священное с порочным», по словам Лермонтова). Герои модерна — мятущиеся, трагичные, часто с вопросом: «Что мне делать с собой?». Отсюда — тяготение модернистского сознания к трагическому пафосу (от Софокла до Достоевского и Фолкнера). Князь Мышкин и Алеша Карамазов помогают клиентам жить «не такими, как все», помогают, падая, подниматься, помогают терпимее относиться к чужим падениям, метаниям, несоответствием себя самому себе. Герои постмодерна, живущие в потоке всевозможных наслоений, заменившие поиск истины равнодушием к ней, обнаруживают для нас то несомненное достоинство, что они живут. Клиенты — после череды потерь, принесенных войнами, клиенты — после череды разочарований, клиенты, осознающие себя жертвами многочисленных махинаций и надувательств, находят, например, неожиданное успокоение в пелевинской «Жизни насекомых» или в «Сто лет одиночества» Г. Маркеса.

9. Если для классического натурфилософского подхода, в рамках которого развивается психиатрия, за основу библиотерапии берется «клиническое состояние со своими патологическими закономерностями» (Бурно, 1999, с. 35), а книга или фильм рассматриваются в качестве инструмента воздействия на состояние клиента, то в экзистенциальном подходе в центре внимания не «психическое состояние», а «жизнь» клиента (Летуновский, Есельсон, 2002), расширение горизонтов его жизни за счет организации целебных встреч с героями литературы, кино или театра (Алексейчик, 1985).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексейчик А.Е. Библиотерапия // Руководство по психотерапии. — Ташкент: Медицина УзССР, 1985. С. 304–319.
2. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. М.: Академический проект, 1999.
3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
4. Летуновский В.В., Есельсон С.Б. Экзистенциализм в психологии // Экзистенциальная Традиция: философия, психология, психотерапия. 2002. № 1. С. 91–116.